

Зверь / рассказ

Category: Neкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Зверь / рассказ • РУЖЬЕ

В самом начале весны (гулкие, как коридоры, дни, вокзальный сквозняк во всем городе) Песцов просыпался под вечер, разводил в кружке сладкую бурду из пакетика с надписью «три в одном», сосредоточенно выкуривал две крепкие сигареты. Во дворах ворочался колокольный звон, антрацитовый ветер апреля пах свежей ссадиной и цветочной лавкой, и было спокойно и страшно, как перед большой бедой. На днях, после полугода, проведенного за чтением медицинской литературы и ощупыванием лимфоузлов, Песцов, серый, как суповая косточка, сдал кровь на ВИЧ в частной лаборатории, которые только начали появляться в городе. «Нашатырь сразу возьмем?» – спросила похожая на буфетчицу медсестра, быстро и внимательно посмотрев ему в глаза, и, не дожидаясь ответа, полезла в шкафчик над кушеткой. Сегодня нужно было ехать за результатом, и Песцов прекрасно знал, что результат будет положительный.

Отхлебывая джин-тоник из банки и кашляя в кулак через каждые три слова, Никитин разубеждал: «Чувак, ты чего? С чего ты взял, что у тебя это? Кха-кха! Вот у меня – вполне может быть! Кха-кха! Я вообще не удивлюсь!» Песцов вдруг схватил Никитина за ворот обтрепанного пальто, которое, по мнению его владельца, было чем-то вроде проездного в граде литературы (они оба учились в Литературном институте, задыхаясь от амбиций, своих и чужих, и разных нехороших подозрений), притянул к себе и произнес, уставившись в голубой небритый подбородок: «Давай сдадим вместе. Завтра. Здесь недалеко». Никитин ужаленно улыбнулся и закивал; три оставшиеся пары он сидел, глядя на синий, в янтарных лужах огня бульвар под окнами и страдальчески морщился, если кто-то смеялся или говорил слишком громко.

На следующий день они встретились за два часа до пар, нашли эту чертову арку на Тверской, огнедышащий двор в утренней

испарине, нашли нужный подъезд, быстро сдали кровь, поскользнувшись в мокрых бахилах и виновато отшучиваясь, и сразу почувствовали облегчение, и отправились есть хот-доги у метро – Никитин жевал задумчиво, хладнокровно стряхивая крошки с шарфа, а Песцов, тоже пропустивший завтрак, ел хоть и с отвращением, но испуганно-жадно, спеша опередить надвигающийся обморок. На втором хот-доге друзья сравнялись в темпе. Потом долго пили на бульваре, говорили о ерунде.

Ночью Никитин позвонил откуда-то из-под снега и жарких сырых эстакад, из-под Москвы-реки, из-под родонитовых глыб метрополитена, перекрикивал рвущийся во тьме парус: «Слушай, дружище... алло, алло! Ты на связи? Слушай, я тут подумал...» – Песцов сбросил звонок и повернулся на другой бок. Мобильник запиликал снова. «Юра, иди нахуй. Пожалуйста», – сказал Песцов и бросил телефон куда-то в ноги, в мокрые простыни. Поддел ногтем повязку с левомеколем: рана на пальце не заживала третий месяц и заживать не собиралась.

С того дня он не ходил в институт и не разговаривал с Никитиным, если не считать короткие реплики, которыми они обменивались в свидениях: разочаровавшись в телефонной связи, Никитин прочно обосновался у Песцова в подсознании и не желал сдавать позиций. «Ружье, – рассуждал Никитин, отхлебывая из банки, – считаешь, оно не выстрелит? Кха-кха! Или все-таки выстрелит?» «Какое ружье, идиотина?» – свирепел Песцов. «Думаешь, ружье так не стреляет, да? Если меня назначить... кха-кха... то не стреляет?» «Графоманское уебище», – думал Песцов и просыпался. Палец тихонько гноился, лимфоузлы – или то, что он принимал за лимфоузлы – как будто бы тоже.

Но Никитин позвонил снова, в тот самый момент, когда Песцов, слабея от ужаса, пытался влезть в рубашку (она застревала на теле так, словно была сделана не из хлопка, а из голубой пупырчатой кожи, а тело, в свою очередь, было сделано из хлопка), и спросил совершенно трезвым голосом: «Во сколько на Тверской?» Договорились, что в пять.

В клинике было светло и тихо, как в небесном стальном саду. Наружная брюнетка за стойкой регистрации приветливо вскинула брови и кивнула на вешалку. В ту же секунду схлынул

бред: стало ясно, что ничего не будет, ничего ни у кого не найдут, что нет никакого ружья, что он сам расковыривал рану – а что еще делать с ранами?; что не воспалялись лимфоузлы, что корки на лице – от холода, и что сначала станет стыдно, а потом все-таки радостно. Да, в конце концов станет радостно. Никитин, навалившись на стойку, вилял поставленной на мысок ногой, как собака хвостом, и истерически улыбался: Песцов видел его улыбающийся затылок. Брюнетка в хрустящей, как фантик, голубой форме, только что вручившая ему лист А4, перевела взгляд на Песцова и тоже улыбнулась: «А вы, молодой человек?..» Песцов назвал свою фамилию. Не переставая улыбаться, она наклонилась к компьютеру и быстро что-то проверила, потом сказала «секундочку» и, отбивая пальцами нежный нерешительный ритм по столу, по стене, по другой стене, прошла в освещенный кабинет без номера. «Заметил родинку на шее?» – спросил Никитин. «Нет», – ответил Песцов. Брюнетка сделала шаг из кабинета, и, держа дверь открытой, что-то еще сказала Песцову, но он уже ничего не слышал, потому что, задохнувшись холодом и огнем, падал в стальные стебли с такой высоты, какой не бывает под небом.

- ЗВЕРЬ

Была середина июля, но на поляне под кленом стояла черная, в крупных бляшках огня осень с низким озерным ветром и неправдоподобно яркими звездами. Он пытался выманить зверя из норы: по вечерам раскладывал на опавших листьях, напоминавших околешую плотву, сладости и плюшевые игрушки вроде тех, что приносят на детские могилки, потом оставлял на плоском камешке накрытую хлебом рюмку водки (в конце концов нечаянно смахнул ее в листья и уже не стал искать), затем в ход пошли книги – в основном по философии искусства, но были и тонкие как змеи кулинарные журналы со стопками лоснящихся панкейков на обложках, и путеводители по ослепшим от солнца городам, и школьные учебники дочери, и даже найденный на помойке самодельный фотоальбом с необаятельным черно-белым младенцем, растущим от странице к странице, как опухоль, и подписями

вроде: «требуется, чтобы его качали, замолкает только если...»; когда понял, что все без толку, допил бутылку и стал думать, что делать дальше.

Существование зверя не вызывало сомнений. Однако, чем сильнее загустевала темнота под корнями, чем подобострастнее выпрямлялось дерево когда он устал, но решительно всходил на исполосованный тенями пригорок, тем яснее становилось, что зверь никогда не выдаст своего присутствия, что такова его природа – молчать и мучить человека, пока, захлебнувшись тихим ветром, тот не повесится, стыдливо поджав ноги, на крепких, как спортивные брусья, ветках ночного дерева. «У висельников всегда виноватые позы», – думал он с веселым интересом и тут же спохватывался: это нашептывал зверь.

В детстве он не раз наблюдал, как деревенские бабки с помощью обычной полиэстровой нитки доставали из человека подселенца: наматывали нитку на потрескавшийся мизинец и, положив другой ее конец страдальцу в рот, на бледный подрагивающий язык, дергали, будто рвали зуб. Бесноватый, которого держали нанятые за бутылку мужики, вскрикивал и оседал на пол или прямо в капустные грядки, если делалось в огороде; его окатывали из ведра водой, попадая заодно в детей и разбегающихся кур. Поднявшись, исцеленный обводил всех бесслезным, но уже лишенным характерного сонливого злорадства взглядом. Начиналось всеобщее веселье.

Ему, впрочем, нравился сладострастный ужас, стоявший в глазах отчужденных как вода в оленьих следах, и он немного расстраивался, когда после простой манипуляции с ниткой глаза эти, удивившись на секунду и заново оглядев мир, растерянно гасли. Во всеобщем веселье исцеленный участвовал механически, это было видно.

Со зверем он решил попробовать зеркала, вернее, зеркало. Суть была в том, чтобы если не выманить зверя на его отражение, то хотя бы это самое отражение, пусть еле различимое, смазанное темнотой, дождем и огнями далеких деревень, увидеть, просто увидеть. Для чего? Он не мог ответить на этот вопрос – ни один охотник на него не ответит – он только знал, что нужно действовать и действовать быстро.

В ночь, когда он приспособил напротив входа в нору выкраденное со столика жены зеркальце на подставке, в котором, пока он нес его под курткой, еще маячил зеленый факел сада и плавился край стеклянной вазы с сырыми изможденными пионами, вместо зверя пришел Дима – друг и сосед, пропавший несколько лет назад после месяца регулярных отлучек в лес. Он ворошил палкой угли в костре, а когда поднял розовые от дыма глаза с оловянными зрачками, увидел за кустами бузины знакомую долговязую фигуру. «Давно ты здесь?» – спросил он, удивившись собственному спокойствию, и, не дождавшись ответа, добавил: «Тебя все ищут». Дима молчал и не двигался с места, и тогда он осторожно, как по вымытой палубе, пошел к нему по деревянным от холода листьям. «Не сдавайся», – сказал Дима, разлепив подернутый теменью рот. Заулыбавшись, он сделал еще пару шагов, встал на цыпочки и заглянул за кусты, чтобы подтвердить догадку: Дима висел в полуметре над землей, смешно подогнув под себя длинные ноги в широких штанинах. Зазвонил в кармане мобильный телефон, он взял трубку и быстро произнес: «Очень срочно и очень серьезно. Я в аптеке на Полежаевской, мне продадут что-нибудь без рецепта? Что? Это понятно, но я, по моему, не успеваю». Потом он лег в кленовые листья и проспал до утра.

Разбудила его дочь, вернее терпеливое и жадное внимание, с которым рассматривает спящего любящий его человек. Зеркальце – слезящийся овал в крошках земли – она уже подобрала, обтерла подолом платья и, полюбовавшись своим ртом и ресницами, положила в заплечный мешок. «Здесь совсем непогода, ты простудишься. Идем домой», – сказал он, легко поняв, что теперь нужно делать. Продравшись сквозь покрытый сверкающей паутиной малинник, они стали спускаться с холма, загребая калошами рассыпчатую рыжую землю и иногда теряя друг друга из виду в душной траве июля. Он шел не оглядываясь и все хотел сорваться на бег, но не побежал, а только сказал дочери, с простодушным уважением к молчанию взрослых смотревшей на него снизу вверх: «Выбрось зеркало».

Когда они прошли дымное, в райских пятнах зари поле и, фыркая и отряхиваясь, выскочили на проселочную дорогу, зверь вылез из

норы, уселся на кленовых листьях и стал облизывать себя, словно кошка.

Об авторе: НАТАЛЬЯ ЯВЛЮХИНА

Родилась в Подольске. Закончила Литературный институт. Публикации в журналах «Знамя», «Полутона». Живет в Москве.
Некауалар